

ВРЕМЕННИК ИМПЕРАТОРСКОГО МОСКОВСКОГО ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХ

Книги 16, 17, 18 и 19. Москва. 1853—1854

Многочисленные издания императорского Московского Общества Истории и Древностей Российских приобрели ему право и глубокую благодарность всех, занимающихся родною историей. С 1815 до 1846 года Общество издало: 1) *восемь частей* свои «Трудов и Летописей»; 2) *семь томов* «Исторического Сборника»; 3) *три части* «Русских Достопамятностей», которые, по важности напечатанных в них памятников, занимают одно из почетнейших мест в числе материалов для русской истории и древней литературы, — всего *восемнадцать частей* своих трудов. Кроме того, в этот же период времени издало Общество довольно много отдельных сочинений и памятников, большею частью также очень важных; вот их перечисление: 1) «Обозрение Кормчей книги», барона Розенкампа; 2) Супрасльская рукопись, изд. кн. Оболенским; 3) Псковская летопись, изд. г. Погодиным; 4) «Повествование о России» Н. С. Арцыбашева, три громадные тома; 5) «Книга посольская метрики Великого княжества литовского»; 6) «Книга, глаголемая Большой Чертеж», изд. г. Спасским; 7) «Библиотека имп. Общества Истории и Др. Российских», сост. П. М. Строевым; 8) «Исследования, замечания и лекции» г. Погодина о русской истории, три тома; всего *тринадцать томов*. Наконец, Общество напечатало в это время переводы: 1) «Исследований» Эверса; 2) «Древностей северного берега Понта», г. Кёппена; 3) «Корсунских врат», г. Аделунга; 4) «Критико-исторической повести Червоной Руси», г. Зубрицкого. Всего в течение 1815—1846 годов Общество издало до *тридцати пяти томов*. Но особенно сильна становится его деятельность с 1846 года; в течение девяти лет Общество издало, не говоря уж об отдельных сочинениях, *восемнадцать книжек* или, лучше сказать, томов «Чтений» и *девятнадцать книжек* или томов «Временника», всего *тридцать семь книжек*, в числе которых есть многие, заключающие в себе более 30 печатных листов. Трудно и перечислить, сколько важных

исследований по русской истории, сколько драгоценных материалов для нее напечатано в «Чтениях» и «Временнике». Повторяем, нет человека, занимающегося русскою историею, который бы не чувствовал уважения и благодарности к Московскому Обществу Истории и Древностей.

Существеннейшее достоинство рассматриваемых нами 16—19 книжек «Временника» составляют очень важные материалы, которые в них изданы. Так, в 16 книжке напечатано «Сказание о Самозванцах» в двух редакциях; в 17 книжке — «Новый летописец»; в 18 — «Литовский Статут» 1529 года, в 19 — «Статут Великого княжества Литовского 1588 года». Вместе с этими большими памятниками напечатано несколько материалов, хотя не столь значительных по объему, однако имеющих несомненную важность. Мы постараемся рассмотреть их ниже, теперь же, следуя порядку отделов, начнем наш обзор с тех статей, которые помещены под первую рубрику «Временника» — с «Исследований». Из них значительнейшие по объему — «Пелазго-фракийские племена», исследование г. Черткова; в 16 книжке помещено отделение этого обширного труда, говорящее о пелазго-фракийцах, населивших Италию, и «Замечания на Слово о полку Игореве», кн. П. П. Вяземского, статья вторая (кн. 17). Оба эти исследования, стоявшие, особенно первое, очень многих трудов авторам и выказывающие в них несомненную ученость, очень сходны между собою по направлению.

Мы недавно имели случай высказать в «Современнике» наше мнение о том, какое значение в ряду наук имеет так называемая «историческая филология»; не признавая безусловно справедливыми односторонних и восторженных панегириков ей, не думая, чтоб она была в силах пересоздать всю систему наук, стать во главе их всех, давать окончательный приговор о всех вопросах философии, психологии, истории, мы говорили, что она должна ограничиваться скромною ролью вспомогательной науки для истории древнейших периодов, младенчеству состояния народов. Точно так же мы не думали утверждать с некоторыми из увлеченных поклонников исторической филологии, чтобы филологическое образование должно было войти в состав общего образования, чтобы выучивать каждого двенадцатилетнего мальчика толковать о фрейзингенских отрывках, о большом и малом, йотированных и нейотированных юсах, гласных ъ и ѣ, переходе старославянского *жд* и *шт* в русское *ж* и *ч*, чешское *з* и *ц* и т. д. было так же необходимо, как объяснять ему, что «Александр Македонский был великий человек». В самом деле, гордость каждого рождающегося знания бывает неизмерима, притязания его беспредельны. И для собственной пользы этого знания бывает полезно от времени до времени напоминать об истинных его границах, чтобы оно не компрометировало себя во мнении публики слишком громадными претензиями. Но если нельзя не сказать, что истори-

ческая филология в сущности только вспомогательная наука для древнейшей истории, то надобно вместе с этим сказать, что в этой роли, почетной, хотя и тесной, помощь ее необходима для исторических исследований; если надобно сказать, что бесполезно, даже вредно набивать всякому мальчику голову корнями, развитием и превращением корней, суффиксами и префиксами, то человек, желающий ныне заняться исследованиями о древнейшей истории народов или о древних памятниках литературы, необходимо должен приобрести основательные филологические сведения. Толковать о «Слове о полку Игореве», не зная очень основательно славянских наречий в их древнейшем виде и новейшем развитии, не имея близкого знакомства с народною поэзиею вообще и самого ближайшего знакомства с народною поэзиею славянских племен в частности, значит осуждать себя на такие же смешные промахи, как принимаясь толковать о Софокле без знания греческого языка. Браться за объяснение древнейшей истории славянских племен, говорить о том, славяне или греки были Ахиллес или Эней, не познакоившись хорошо с историческою и сравнительною филологиею, так же странно, как писать римскую историю, не зная по-латыни, немецкую историю, не зная по-немецки. Прежде, когда еще не существовала филология в виде самостоятельной науки, имеющей огромный запас данных и предписывающей строгие правила относительно того, как пользоваться ее материалами, — прежде это было не так. Всякий, кому только вздумается, толковал, как ему захочется, о происхождении славян от кельтов, французов от греков, греков от славян, англичан от римлян, китайцев от египтян, мексиканцев от карфагенян. Народы роднились, признавались братьями, отцами, детьми один другому решительно по благосклонности человека, взявшего в руки перо, к тому или другому из них. Для провозглашения, что пруссаки происходят от римлян или римляне от пруссаков, достаточно было найти в немецко-латинском словаре, что Vater и Mutter по латыни Pater и Mater, sechs — sex, neun — novem. Ни на первобытную форму слова, ни на корень его, ни на грамматические изменения не обращали ни малейшего внимания. Не думали и о том, чтобы сравнивать языки в целом их составе — вместо того, чтобы сравнивать все корни, довольно было наудачу сблизить десяток, много — два десятка слов, какие первые попадутся под руку. И удивительная история выходила результатом таких игривых сближений. Сначала было принято производить все от еврейского языка. Тогда-то было решено и у нас, что Москву основал Мосох, лет тысячи за три или за три с половиною до Р. Х. Потом появились всеобщими предками греки и римляне, которые были также греки, потому что произошли от Энея. Тогда французы начали происходить от фокеев, через Марсель; у нас было также открыто, что Рюрик происходит от Пруса, брата Августа, племянника Юлия Цезаря. Этого мнения не отвергает и сам Ломоносов. Потом

вышли на сцену кельты, и открылось, что не только все европейцы, но и самые египтяне были кельты. Этого мнения, как увидим, держится Сумароков. Не говорим уж о всесветных производствах не столь громких. В антрактах между еврейством, греко-романизмом и кельтством было открываемо, что предки всех народов египтяне, фригийцы, пелазги, скифы, иберийцы. За этими производствами, более или менее бескорыстными, последовали расчетливые генеалогии, в собственную пользу. Трудно найти народ, который бы устами своих ученых не объявлял, что он древнейший народ в мире. Не говорим уже о немцах, скандинавах, славянах, французах. Ирландцы, венгерцы, баски также доказывали, что Адам и Ева говорили на их языке. У нас встарину особенно ревностным истолкователем чужеземных имен славянским языком был Тредьяковский. По его мнению, даже *Deutsche* — немцы — есть славянское слово дети, детские (народы); танцы также русское слово, и у славян взято французами, а прежде французов — римлянами.

Долго процветали эти ученые забавы; но в конце прошедшего века историки сильно вооружились против так называемых «этимологических сравнений» в древнейшей истории народов; отголоски недоверчивости и даже насмешливого презрения к этим словопроизводственным толкам довольно сильно и часто слышатся и в «Примечаниях» к «Истории Государства Российского»: Карамзин отвергает, как пустую игру слов, приводящую только к одним несообразностям, этимологические сближения Тредьяковского, Ломоносова, особенно Татищева. Да и нельзя было не отвергать их, не смеяться над ними. Почтенный чешский ученый Добнер уверял, что бастарны — пастыряне, биссы — пеши, пиэннаты — пенятяне, поляки — по влахи, т. е. потомки влахов; Татищев думает, что вятичи не русские, а чуваша, потому что чуваша по-мордовски называются ветке; Болтин думает, что Кий, Щек, Хорив и Лыбедь были не славяне, а венгерцы или авары, потому что по-венгерски «*Киев* есть веселый, *Горог* (т. е. Хорев) — кривой, *Сиез* (т. е. Щек) — кормило, *Лебегес* — трепетание». Татищев думал, что русские (варяго русь) были финны, потому что «Русь» значит «русый народ», а русыми волосами отличаются финны; но Татищев и Болтин были люди ученые и основательные; если мы захотим увидеть словопроизводственную мономанию прошедшего века в полном ее развитии, мы должны будем обратиться к отрывку Сумарокова «О происхождении Российского народа». При нынешнем стремлении к ближайшему знакомству с произведениями старинных русских писателей, читатели, конечно, не будут на нас в претензии, если мы представим несколько выписок из этого курьезного произведения. Древнейшим в мире народом Сумароков считает, по тогдашнему обычаю, кельтов или цельтов и говорит, что все европейские народы — греки, римляне, немцы, французы, англичане произошли от цельтов, но все выродились,

искажили свой язык; у одних только славян удержался чистый цельтийский язык, потому славяне должны быть признаваемы истинными предками или единственными прямыми потомками предков всех других европейских народов, которых имена объясняются из славянского языка. Кельты первоначально жили в Фракии, Македонии, Иллирии; потом оттуда распространились по всей Европе и раздробились на множество народов. Продолжаем это изложение подлинными словами Сумарокова:

«Гальские цельты более всех прочих прославились, нарекшись первые Галлами от цельтского (т. е. славянского, потому что, как мы видели, кельтский и славянский язык одно и то же по мнению Сумарокова) гуляю, что я не по своему изобретению и не по догадке объявляю, то есть гуляками или странниками; а славянские цельты нареклись славянами, знаменуясь славными; как Вандалы от того, что вышли *вон дале*, нареклись Вондалями. Британы, назвався от бритых голов, пременяли свой язык также; да и сами латины цельтского же происхождения свой язык от цельтского отлучили, и остались только одни славяне при своем прежнем, то есть цельтском языке. (Это подтверждается словопроизводством, указывающим корень слов всяких языков в славянском, так), не умолчу я, что слово история знаменование свое от словенского имеет языка; *изъстари*, как *пиит* от слова пети. С копами славяне также некоторые в наречии сходства имеют. Орна у коптов небо, а оттого Уранос и у эллинов небо, а у славян горняя. Изи у коптов земля, и оттого богиня Изиды, богиня земли; в славянское слово оттого *низ* и так от орна *верхъ*, а от изи *низ*; на орне — на верху; на изу — на низу» (Сочин. Сумарокова изд. Новикова, том X, стр. 123 и след.).

Итак, дело ясно: греки, латины, вандалы, галлы, британы, копты или египтяне произошли от славян. Но простодушные мнения Сумарокова далеко не так эффектны, как заключения, до которых в недавнее время, всего лет пятнадцать и десять тому назад, старались доходить гг. Морошкин и Савельев-Ростиславич. Они не удовлетворялись общею характеристикою: «все европейцы — выродившиеся славяне» — нет, они доказали это относительно каждой области, каждого города, каждого знаменитого исторического лица. Париж — по-рис, т. е. по-русь; Мадрит — мудрит, Вена — веник или венец; Стокгольм — стог-холм; т. е. большой стог; Лондон — клон-дон, т. е. наклонное дно, город на низменности; с такою же легкостью доказывается, что все великие люди были славяне: Лессинг — лесник, Гутенберг — кутногорский, Лютер — лютый, Карл Великий — Карло (т. е. карлик) Великий, Гёте — кот, Клодвиг — Холодовик, Клотильда — Коло-тильда, Фихте — Пыхтей (пыхтеть) и т. д.

После этого остается только перейти из Европы в другие части света и доказать, что все народы, начиная от каффров, на мысе Доброй Надежды, до алеутов — того же происхождения, как жители Клон-дона и Мудрита. Дело, не представляющее особенных затруднений. Нанкин — Нянькин, т. е. город, где вынянчились, откуда произошли китайцы; в самом деле Нянькин и был древнейшею столицею китайцев; собственно, катайцев (от катать)

или хватайцев; Корея — Горей, т. е. гористая земля; Сингапор — снегор, т. е. город, в котором готовы подбирать каждую снежинку, — там и действительно снег и лед продаются на вес золота; Цейлон — Целан; патагонцы — потягонцы, т. е. вытянутый, высокорослый народ; ирокезцы — широкезцы, т. е. широко, рассеянно живущие. Одним словом, надобно только вслушаться в выговор, какой придает незнакомым словам мальчик, еще не выучившийся произносить их, и мы тотчас постигнем, что все земли первоначально были населены славянами и все народы происходят от славян.

Само собою разумеется, что, подобно большей части других увлечений, и увлечение производить все народы от своего народа, объяснять имена всех стран и городов своим языком было на нас навеяно подражанием тому, что делалось у других народов. Пока еще наука сравнительного изучения языков не установилась, у всех народов были ученые, поступавшие подобным образом. Люди, которые привыкли писать по-латыни, жить в греко-римском мире, производили всех европейцев от греков и римлян; но это было уж очень давно; позднее другие ученые отыскивали более близких к себе праотцев всем остальным народам; французы и англичане — галлов или кельтов, немцы — немцев, скандинавы — скандинавов и т. д. Не очень давно в Богемии умер Данковский, который доказывал, что мнимый греческий язык есть славянский, только искаженный правописанием, что нужно только переписать славянскими буквами Анакреона или Гомера, чтобы увидеть, что они говорили и писали по-славянски. Данковский и сделал это. Другой чешский ученый и знаменитый поэт, Колар, умерший два года тому назад, оставил после себя сочинение, в котором доказывает, что вся Италия была населена славянами¹. Как он читает этрусские надписи по-славянски, так некоторые ученые читают их по-немецки. В самом деле, нужно только захотеть читать какой угодно отрывок на каком угодно языке, чтобы прочитать его на этом языке — стоит только не обращать внимания на здравый смысл, пренебречь положительными правилами и фактами науки и искажать слова текста по произволу; поступая таким образом, можно доказывать, что Шиллер писал по-русски, а Пушкин — по-испански. Нужно только твердо решиться дойти до такого результата. Если происхождение какого угодно народа от другого также какого угодно доказывается очень легко, то еще легче доказывается, что какой угодно народ занял от какого угодно другого свои первоначальные обычаи, научился у него всем знаниям, всему полезному в жизни и так далее. На русском языке существует «История русской литературы», доказывающая, что немцы научились философии из «Послания Никифора к Владимиру Мономаху»²; другой ученый видел в какой-то санскритской драме опровержение гегелевой системы. Чехи вообще доказывают, что немцы выучились земледелию только благодаря знакомству с сла-

вянами. Мы так часто указываем на чехов потому, что пристрастие видеть во всем и повсюду славян до сих пор сильно у них.

Но всего легче доказывается, что какой-нибудь народ, едва только начавший образовываться, стоял уже в глубокой древности на высокой степени просвещения, был знаком с литературами классического мира, читал Платона и восхищался Софоклом. Для этого нужно только найти в одном из памятников его письменности какую-нибудь фразу, имеющую хотя самое отдаленное сходство с какою-нибудь известною у всех народов общею мыслью, например, о неизбежности судьбы, о том, что быть добрым человеком прекрасно, и т. п.; из этого тотчас можно будет вывести, что «народ был знаком с трагедиями греков, основанными на идее судьбы, и коротко знал творения Платона, проникнутые идеею о том, что высшая красота есть добродетель»: Если даже не найдется и такой фразы, дело можно привести к желанному результату; нужно только отыскать одно из тех невразумительных, испорченных мест, которыми всегда богаты старинные рукописи, истолковать это место в необходимом для нас смысле, и дело будет кончено.

В «Слове о полку Игореве» есть множество выражений темных, множество выражений, очевидно, испорченных безграмотным переписчиком. Это признано всеми исследователями. В числе таких мест, исправить и объяснить которые доселе не могли основательные ученые, есть следующее место: «Въстала обида в силах Дажьбожа внука. Въступил девою в землю Трояню, всплескала крылы на синем море у Дону; плещучи, убуди жирныя времена». Очень вероятно, что это место, подобно десяткам других, испорчено. Земля Дажьбожа внука — русская земля, в этом ученые согласны; но что такое «земля Трояня», что такое «дева, плещущая крылами на синем море у Дону», остается непонятно. Не будем предлагать своих догадок, не будем анализировать прежних объяснений, не приводящих ни к чему положительному; но для всякого, знающего, хотя несколько, грамматику старинного языка, ясно, что прилагательное *Троянь*, встречающееся в этом и трех других местах «Слова», произведено от собственного имени мужеского рода — Троян, как прилагательные Владимирь, Антонь — от собственных имен мужеского рода Владимир, Антон. Кто этот Троян — римский император Траян, или Владимир, прозванный Трояном потому, что был третьим сыном Святослава, ученые решают различно. Несомненно только, что прилагательное Троянь не может в славянском языке образоваться от имени города Трои: «троянский» на старом языке имело форму «трояньск» и не могло никаким образом принять формы «Троянь», необходимо указывающей на существительное с окончанием мужеского рода ѡ и с буквою *н* перед этим окончанием. Но князь Вяземский хочет понимать, в противность основному закону славянской этимологии, под «трояня земля» не Троянова земля, а Троянская

земля. «Дева», которая всплескала крылами, в противность общему мнению ученых, говорящих, что если здесь слово дева не есть описка, то означает какое-нибудь мифологическое существо, по мнению князя Вяземского, решительно произвольному, есть Елена, похищенная Парисом и навлекшая «обиду», несчастье на Троянскую землю. После такого объяснения становится уже очень ясно для князя Вяземского, что автор «Слова о полку Игореве» был коротко знаком с трагедиями Эврипида, и он постоянно сравнивает выражения «Слова» с отрывками из Эврипида. Несомненно становится для князя Вяземского и то, что Боян, упоминаемый в «Слове», есть Гомер, потому что Гомер был поэт, а Боян, вероятно, происходит от баять, говорить. Таким образом, становится несомненно, что автор «Слова» был вдохновляем произведениями Гомера и Эврипида, и князь Вяземский считает даже нужным оправдывать его от упрека в подражании этим писателям, с которыми постоянно сравнивает каждое выражение «Слова». Сходство, находимое ученым автором, в самом деле изумительно. Например, воззвание эврипидова хора в трагедии «Елена»:

«Тебя сенями под древочащными в храмах и престолах восседающую
взываю, тебя голосистую птицу, соловья слезистого, прииди, о чрез громкие
клавы щеkotaющая, вопляя моим сотрудник, Елены мрачной труды, солнцевичей же поющая плачевный труд Ахейя под копыями».

Это воззвание, столь оригинально переведенное князем Вяземским, «буквально сходно», по его мнению, с возванием «Слова» к Бояну:

«О Бояне, соловью старого времени! а бы ты сия плькы ущеkotaл, скача, славлю, по мыслену древу, летая умом под облакы, свивая славы оба полы сего времени, рица в тропу Трояню через поля на горы. Пети было песню Игореву, того внуку».

Мы видим только, что в обоих отрывках попадает слово «соловей»; но ученый : (стр. 7) говорит: «Кроме буквального сходства сих воззваний к Гомеру, разительное самое сходство положений, сопряженных с сими воззваниями». После этого мы вправе прибавить, что песня:

Сладко пел душа-соловушка
В зеленом саду моем, и т. д.

имеет столь же поразительное сходство с эврипидовым хором и что г. Лажечников, поместивший эту песню в «Последнем Новике», вероятно, написал свой роман, вдохновленный эврипидовыми трагедиями, а не просто преданиями отечественной истории. Точно так же поразительны и все остальные сравнения «Слова» с Гомером и Эврипидом, например (стр. 29):

«Дети бесови кликом поля прегородиша, а храбри Русицы прегородиша червлеными щиты» (Слово о п. И.) — это описание обеих войск совершенно гомерическое.

...Каждый из них отдает повеленья,
Вождь. А воины идут в молчании; всякий спросил бы:
Столько народа идущего в персях имеет ли голос?

(Илиада, IV, 428.)

Здесь мы опять замечаем только то сходство, что «Слово» и «Илиада» говорят о войсках; но в «Илиаде» войска идут молча, в «Слове» стоят и кричат.

Несмотря на очевидную неосновательность основной мысли, на все несходства сближаемых мест, исследование князя Вяземского многих удивило своею огромностью и множеством цитат. И нет сомнения, что многим покажется, будто бы в самом деле между «Словом о полку Игореве» и Гомером или Эврипидом есть сродство. Это потому, что ученая оболочка сочинения многим не позволит заметить, что в сущности трудолюбивый автор очень мало приготовлен к ясному пониманию ближайшего предмета своих сравнений — «Слова о полку Игореве»; на каждом шагу видно, что он не филолог. Потому-то и говорили мы подробно о его исследовании, думая, что наше предостережение не будет излишним для некоторых из числа людей, интересующихся вопросами о таком замечательном памятнике нашей словесности, как «Слово о полку Игореве». Ученая критика у нас еще слабее литературной; потому часто одна массивность и внешняя ученая обстановка сочинения вводят в заблуждение и заставляют многих принимать выводы, делаемые автором, хотя в сущности он не представил и не мог представить никаких подтверждений своим положениям.

Метод князя П. П. Вяземского имеет «поразительное сходство» с методом, которому следовал г. Чертков в разысканиях о «Пелазгофракийских племенах»: такое же богатство цитат и сличений, такое же стремление смешивать обширные рассуждения о фактах, ставших общими местами в науке, с произвольными истолкованиями, такое же пренебрежение к строгому филологическому разбору сближаемых собственных имен. Не менее велико и сродство в направлении изысканий: кн. П. П. Вяземский поставил себе задачею отыскать литературное родство там, где его совершенно нет; г. Чертков старается доказать тожество пелазгов с славянами, хотя нет ни малейшего сомнения в том, что пелазги не были славяне; оба ученые автора одинаково увлекаются темным, загадочным; тому и другому оно представляется одинаково ясным; наконец, оба до того увлеклись оригинальными своими мнениями, что написали обширные сочинения единственно в подтверждение этих мнений, так что если не принять результатов, которые выставляются гг. Чертковым и Вяземским (а принять их невозможно), то в обширных их трудах совершенно нечем будет воспользоваться.

Часть исследования г. Черткова, помещенная в 16 книжке «Временника», говорит о «Пелазгах Итальянских», под именем которых разумеет он большую часть древнеитальянских племен:

сабинцы, луканцы, лигурийцы, этруски, вены, иллирийцы, все народы до самого Дуная, жители Рециума, Норика, Паннонии — все, по его мнению, пелазги, то есть славяне. Относительно того, какому племени принадлежали многие из них, ныне еще ничего нельзя сказать положительного; относительно других достоверно известно, что они существенно различались между собою; г. Чертков это нисколько не останавливает: он всех их причисляет к одному племени, всех признает пелазгами и на каждой странице приводит десятки доказательств, что все эти пелазги были славяне.

Обильнейший источник доказательств представляет ему произвольное произношение собственных имен славянскими звуками, и притом именно по московскому наречию. Здесь было бы неуместно пускаться в длинные филологические объяснения того, что если б и действительно между древними жителями Италии были славянские племена, то читать их имена с великорусским выговором и объяснять московским наречием было бы столь же ошибочно, как считать Пушкина чешским или болгарским писателем. Но и без всяких объяснений очевидно, что итальянские отрасли славян (положим даже, что они существовали) должны были за 1000 лет до Р. Х. говорить не тем языком, каким писал Жуковский. На историю языка, развитие форм, различие наречий г. Чертков не обращает ни малейшего внимания.

Приведем некоторые из принимаемых им переименований. *Peucesstios* (брат Энотра) — Певчист; *Gernici* — Горнаки; *Ombrici* — Обричи; *Opici* — Опичи; *Volsci* — Волчи, Вильцы; *Roeci* — Речи; *Falisci* — Хвалицы; *Lucani* — Лучане; *Dauni* — Старожилы, Давние; *Apuli* — Попелы; *Argyrusci* — Вагры речи; *Labici* — Любичи; *Dolopes* — Дулебы; *Dodona* — пелазгийский город — Дедина; *Cures* — Куры; *Sybilla* — Вила; *Rasena* — резане (т. е. рязанцы?) и т. д. Всякий, имеющий хотя малейшее понятие о строгих законах филологических сближений, увидит с первого раза, что эти переименования сделаны произвольно, без разбора корней и первоначальной формы имен, по одному случайному созвучию; каждый филолог скажет, что большая часть из них очевидно ложна. А между тем г. Чертков представляет свои переложения на московское наречие до того несомненными, что не считает нужным ни оправдывать, ни пояснять их. При такой невзыскательной методе он мог бы переложить на славянский язык и все остальные имена, какие только встречаются в римской истории, например, Ромул — Громвал, Нума Помпилий — Ум Пупилич (Нума знаменит умом); Фабий — Бабий, Валерий — Болерин, болярин, боярин, Сципион — Цепион (от цепь) или Сцепион (от сцепить) или Щепион (от щепка, щепка), Сервий — сербянин, Мезенций — Мезенцов или Меженцов и т. д. Не знаем, будет ли г. Чертков доказывать, что и галлы были также пелазги, то есть славяне; но подобными сближениями имен не трудно доказать и это:

Aquitani — охватанцы, Volcae — волки, вильцы, Ruteni — русские (латинское имя России Ruthenia), Vellavi — вилявцы, Senonum — Ценомены, торговый народ, Eburonices — боровичи, со-
племенные тем, которые основали уездный город Боровичи в Нов-
городской губернии; Morini — моряне, поморцы (они же кстати
жили у моря), Leuci — левцы или львичане, Bellovaci — бело-
ваки, бельчане, жители Белецка; Beda (город) — Беда; Suescio-
nes — свезенцы, переселенцы и т. д.

Кто не видит, что эти переложения — ученая игра, не требую-
щая, впрочем, никакой учености? Между тем, нет сомнения,
г. Чертков потратил на свое исследование много времени и много
сведений. Но сближение собственных имен — не единственная,
хотя и главная опора мнений ученого изыскателя; другая опора
их — сближение некоторых народных обычаев. Ограничимся не-
многими примерами.

«Нума Помпилий учредил двенадцать жрецов Салийских и вменил им
в обязанность, при торжественных шествиях, ходить по улицам Рима, петь
песни и плясать бойко, живо, подпрыгивая и топая ногами. Это ни что иное,
как наша пляска вприсядку, с подпеванием хора песельников. Так точно
описано шествие наших войск в итальянские города в продолжение кампании
1799 года: «Перед полками шли песельники, и в нескольких шагах от них
бойкий и молодой воин плясал вприсядку, а песельники пели похвалу фельд-
маршалу князю Суворову» (так сказано в тех описаниях похода русских,
которые мы читали в Италии; сожалеем, что тогда не записали названий
этих сочинений). То же самое могло быть исполнено жрецами в Риме, с тою
разницею, что вместо песни, сочиненной в похвалу кн. Суворова, Салийцы
пели гимны в честь Марса. И теперь, во всех экспедициях на Кавказе, воины,
с заряженными ружьями, в виду горцев, поют песни, а приплясывающие за-
певалы прославляют славные дела своих предводителей и товарищей (Кавказ,
1852, № 34)».

Пляска у всех языческих народов была принадлежностью
религиозных торжеств; следовательно, в римском обряде нет еще
ничего особенного. Но чтобы салийские жрецы плясали именно
вприсядку, предположение более игривое, нежели основательное.
Что наши солдаты ходят в сражение с песнями, мы поверили бы
и без цитаты из газеты «Кавказ» 1852 года № 34; но что эти
песни различны от гимна салийских жрецов, кажется, не подлежит
спору; г. Черткову, конечно, известно это, потому что гимн салий-
ских жрецов дошел до нас.

«Пелазгические племена имели обычай, при женитьбе, не свататься за
невесту, а похищать ее насильно. Эти похищения происходили обыкновенно
при играх всякого рода. Похищение девиц перешло от пелазгов к древним
славянам».

А к киргизам, калмыкам, туземцам Ван-Дименовой земли и
Новой Голландии также перешло оно от пелазгов? Ныне всякому,
кто только читал путешествия, известно, что обычай похищать не-
вест — общий всем диким или полудиким народам. Точно так же

распространен у всех полудиких народов обычай платить за невесту выкуп, вено или калым, и в избежание именно этой убыточной необходимости похищают невест. Следовательно, напрасно доказывать родство, тожество пелазгов с славянами тем, что у венетов (которых, впрочем, трудно и признать пелазгами) было обыкновение платить выкуп за невесту. Это все равно, что доказывать происхождение рода Мегемета-Али, паши египетского, из Сиамы тем, что в нынешней египетской династии после старшего брата наследует второй брат, а не сын покойного вице-короля, что в обыкновении также у сиамцев и было в обыкновении у русских до Димитрия Донского. Доказывать такими общими обычаями происхождение одного народа от другого то же самое, что доказывать происхождение эскимосов от готентотов тем, что оба народа все делают, как и мы, правою, а не левою рукою. Поэтому нам кажется, что огромное количество времени и труда, употребленное г. Чертковым на его исследования о пелазго-фракийских племенах, чуждые всякого критического такта, всякой осмыслительности в подборе доказательств на избранную тему, — нам кажется, что это время и труд пропали столь же бесполезно, как и труд князя Вяземского над сличением «Слова о полку Игореве» с Гомером и Эврипидом.

«Древние русские законы о сохранении народного богатства» г. Лешкова («Временник», кн. 18) — статья, которою можно пользоваться за недостатком более полных исследований, но не представляющая ничего особенного, кроме следующих размышлений о благосостоянии массы простонародья в древней Руси, размышлений, кончающихся, однакоже, ошибочными предположениями. Собрав известные факты из летописей о степени богатства князей, дружины и некоторых монастырей, г. Лешков продолжает:

Был ли богат, и в какой степени, простой народ и сельский класс жителей Руси? Этот вопрос не так легок, по причине совершенного отсутствия прямых указаний о быте простого народа. Наши летописи упорно молчат насчет благосостояния сельских жителей. Да и умозаключением тут немного можно сделать. Нельзя же считать богатство князей и монастырей прямым свидетельством благосостояния простого народа; не позволено делать заключения к действительной судьбе смердов от баснословных пиров Владимира. Что обогащало дружину, то вело к разорению смердов. Но — заключает г. Лешков — мы не лишены возможности приблизительно судить о положении нашего древнейшего сельского населения, благодаря акту, состоящему из шестнадцати статей, которые вносятся в «Русскую Правду».

В этих статьях показана цена домашних животных и рассчитано размножение каждой породы в течение двенадцати лет таким образом:

«От 22 овец приплода в 12 лет 90,112 овец и 90,112 баранов.

Считая цену овцы в 6 ногат, а барана в 10 резан, придется заплатить за все это количество 45,055 гривен и 40 резан; да рун снимается с тех овец и баранов 360,446; за те руны заплатить 7,208 гривен и 46 резан».

Итак, продержавший у себя в течение двенадцати лет 22 овцы обязан заплатить их владельцу более 52,000 гривен, то есть по весу металла более 80,000 рублей серебром! Ясно, что эти вычисления, попадающиеся в одной редакции «Русской Правды», не могли быть приложены к практике и сделаны каким-нибудь знатоком цифирной мудрости для собственного удовольствия в расчислении. Но г. Лешков думает, что эти статьи — формула арендаторского контракта по системе половничества; из них выводит он, что в земледелии первоначальный капитал приносил ежегодный доход в 60 процентов, и, следовательно, «сельский класс древней Руси вел жизнь безбедную». Но мало того, что нельзя согласиться, чтобы статьи, на которых основывается почтенный автор, имели приложение к действительности: они вычисляют не доход земледельца, как он думает, а сумму, которую, по правилу нарастания процентов на проценты, должник обязан возвратить заимодавцу через двенадцать лет, если возьмет у него в долг корову, лошадь, известное число овец и т. д. Это ясно, во-первых, из самой сущности расчетов, во-вторых, из того, что статьи мнимого арендного контракта идут непосредственно за статьями о резоймстве и месячном резу — об отдаче в проценты; следуют за ними опять постановления относительно величины процентов. Следовательно, для разрешения вопроса о бедности или богатстве сельского населения в древней Руси надобно искать других данных.

«В Материалах», обширнейшем и лучшем отделе «Временника», помещены очень важные исторические памятники. Конечно, мы должны здесь ограничиться только указанием их и благодарностью почтенным издателям. В 18 и 19 книжках напечатаны, как мы сказали, в полном составе, «Статуты великого княжества Литовского» 1529 и 1588 годов. В 16 книжке — два сказания о самозванцах. Издатель сказаний, князь Оболенский, объясняет в предисловии, что второе сказание, находимое во многих хронографах и бывшее известным Карамзину, переделка первого, которого, повидимому, Карамзин не знал. Сообщаем из него несколько подробностей, конечно, нуждающихся в критической проверке.

Говоря о избрании на царство Бориса Годунова, автор сказания утверждает, что избрания желали только немногие клеветы Годунова, а народ был единственно угрозами и страхом приневолен содействовать им. «И не хотел никто Бориса; но боялись его хитрости и злобы; и было постановлено, чтобы с того человека, который не придет к Лавре, где была царица инокиня, также не желавшая борисова избрания, просить ее об этом, с того брать по

два рубля в день штрафа». Неужели этот штраф — выдумка составителя сказания, который вообще чрезвычайно не расположен к Борису? Гришка Отрепьев, жительствуя в Чудове монастыре, «вождем искати и вникати в премудрости богомерзских книг»; итак, Отрепьев, еще будучи в Москве чернецом, читал светские книги? Гришка Отрепьев, идя на Москву, обещал в грамотах своих боярам и воеводам прибавку поместного оклада, а торговым людям и всего Московского государства людям — облегчение пошлин и податей; потом исчисляя его злонаправленные поступки, составитель сказания утверждает, будто бы Лжедмитрий хотел «юных иноков и инокинь образа иноческого лишити, и во светлые портища облачити, иноков умысли окаянный женити, а инокинь за муж давати, а не соглашающихся на это монахов и монахинь казнить смертью (??)». В изложении грамоты, изданной царем Василием Иоанновичем Шуйским после избрания его на престол, также говорится, что Лжедмитрий хотел «истинную веру поспрати и учинити люторскую и латынскую веру». Вероятно, эти народные толки о лютеранских замыслах Лжедмитрия основывались голько на том, что многие не понимали вражды, господствовавшей тогда между папистами и лютеранами.

«Новый летописец», напечатанный в 17 книжке, есть, по мнению издателя (князя Оболенского), первоначальная редакция, которая была потом переделываема и дополняема в восьмой части Никоновой летописи и в «Летописи о мятежах». Изданная во «Временнике» редакция сканчивается «Смотром на Девичьем поле ратным людям» 7161 (1653) года, при царе Алексее Михайловиче.

Из нескольких десятков более или менее важных кратких замечаний, старинных юридических актов, грамот и т. п., помещенных в «Смеси» «Временника», заметим в шестнадцатой книжке интересное сочинение: «Книга, глаголемая козмография, сложена от древних философов»; она издана по рукописи второй половины XVII века. Эта козмография перечисляет земли в следующем порядке: в Европе, части Афетове, лежат Италия (земля плодovitа скотом и овощем, учением же снискательна к мудрости), земля греческая (ныне обладаема Турскою державою немножеством людей, но безоружием противитися не дерзают, — итак, мы тогда уже знали, что собственно турки в Европе народ немногочисленный). Королевство Сербское (только плодovitа, т. е. земля, хлебом и овощем различным, что во всей Европии таково изобильство не обретається); царство Болгарское, страна Угорьская и Чешская, царство Крымское; цесарство державы Римские (т. е. германская империя — страна не только широтою велика, но зело многолюдна, человецы же мудры и многоучительны). Королевство земли Шпанские (человетецы мудры лекарством дохтурским и звездочестию); Французское королевство; земля Германия (людей больше купецких, нежели воинских; человетецы же

ласковы и смиренны и слабы ко пьянству и к покою телесному), Королевство Польское и великое княжество Литовское (человецы величавы и горды и обманчивы, учению снискательны мудростям всяким, и к войне, к ратям готовы и охочи и оружны; подданные же у них господей своих не слушают, повольно живут, и бесстрашны; платье же носят цветно и слабы к ядению и к пьянству и к всяким сластям). Царство Российское (благочестивая вера цветет); царство Казанское и Астраханское (человецы сановиты брадами и платьем), королевство Свидское; земля Датская, острова Британские (много купеческих людей, а военных мало; человецы же к лечбам дохтуроваты); острова Прусские и Барабанские (Брабантские) и Галанские; земля Сибирь. В Азии, в части Симове: земля Ногай и Колъмыков (вера татарская, а не грамотная); земля Грузинская; земля Арменская, земля Кизильбашская (от пьянства воздержательны, а к телесным похотем слабы); земля Перская (под кизильбашским царем; человецы к воинству щательны и легки, яко и девицы на ратех восприемяют мужескую крепость); страна Фарсия; страна Индея великая; страна Индея малая; страна Ефиопская; царство Арапское черное; земля Малацья богатая; земля Евилацкая; страна Рахматы нагия под самым востоком солнцу, житие же их таково: одеваются лиственным древяным, и от того питаются; и жены имеют, а риз и скота и хлеба не имеют. Место где исходят четыре реки райские. Горы стеклянные, 2000 верст под востоком солнца. Царство Китайское. Остров Макаридцкий (туда залетают райские птицы гамаюн и финик); потом другие острова; на одном из них живут василиски, лице и волосы девичьи, и от пупа хобот змиев, крылаты. На других островах такой жемчуг, яко одна жемчужина тянет близь полупуда. Третья часть, жребий Хамов, Африка. Здесь: Ассирия, страна Палестинская, земля Еллинская, в ней же град мудрые Афины и Елладское царство и Макидонское (!! в Африке!), Аравия, страна Египетцкая, две Ефиопии, королевство Папаяна, Варвария, земля Ундольский язык (обычаи имеют немецких людей, покорены Папе Римскому и Калвинская ересь); царство Магдяньское; остров Кипр; Киликия остров; остров Критский; остров Троя; конец Африке. В новой земле, Америке: земля Гроенская, острова Амразильский, Новая Ишпаниа, земли Первуатинские; Фларидцкое княжество. Остров страна Еустралк. Далее его лежат уже острова темные, куда не заходит солнце.

В 17-й книге между прочим помещено описание свидания Петра Великого с Августом, королем польским, в феврале 1701 года. (Перевод с польского.) Здесь заметим, что когда начались переговоры о предполагаемой войне со шведами, то поляки восставали против этой войны, как не представляющей для Польши никаких выгод.

В «Смеси» 19 книжки помещены интересные воспоминания о

графу Румянцеве, Суворове и Потемкине, записанные г. Ар. Р. со слов людей, служивших долгое время при графе. К сожалению, эти воспоминания очень кратки; они занимают не более пяти страниц. Извлекаем из них здесь существенное, опуская общеизвестные факты. Когда граф Румянцев передал Потемкину командование молдаванскою армиею, то переехал в молдавскую деревню в семи верстах от Ясс (главной квартиры) и жил там очень долго. Он

«вел жизнь спокойную, не выходил из своей комнаты, но принимал всех, к нему приезжавших, которые считали обязанностью отдавать ему тем уважение, как бывшему начальнику, к чему близость Ясс, где была квартира Главнокомандующего, много способствовала и была причиной переписки с ним императрицы, посредством которой она настоятельно его понуждала выехать оттуда, утверждая, что неприлично ему быть в таком близком расстоянии от главной квартиры. Он отвечал императрице, прося позволения остаться до весны, когда время позволит ему предпринять путешествие за границу, для поправления своего расстроенного здоровья, но что впрочем нигде пребывание его не может быть бесполезным для дел России. Вынужденный отправиться в свои Малорусские деревни, Румянцев имел твердость отказаться от всякого дела, и семь лет не изменил своего образа жизни. Пользуясь совершенным здоровьем, он не выходил никогда из комнаты и только из кровати переходил на кресло, а из кресла на кровать, жалуясь на слабость ног. Это одно уж означает власть нравственную над собою. Он не мог перенести мысли о унижении своем, пожертвовал всеми удовольствиями жизни и сократил тем самую жизнь свою».

Когда Суворов, после взятия Праги, был пожалован фельд-маршалом, то, возвращаясь в Петербург, заехал в деревню к Румянцеву; но, не доезжая одной станции, остановился, собрал совет из всего бывшего при нем штаба и предложил вопрос: может ли он теперь подъехать к крыльцу графского дома, чего прежде никогда не делал? Все сказали, что теперь он имеет на то право, как равный чином. Суворов возражал, говоря о старшинстве графа, наконец показал вид, что его убедили, и сказал:

— Смотрите же, смотрите, чтобы вы не ввели меня в беду.

Говоря по этому поводу о странностях Суворова, г. Ар. Р. приводит следующий анекдот в подтверждение обыкновенного объяснения их желанием Суворова отвлечь ими внимание от истинного своего характера и серьезных целей: в итальянскую кампанию Суворов однажды сказал Милорадовичу, тогда еще молодому генерал-майору:

— Вот ты молод, храбр, тебя любят дамы, ты танцуешь бесподобно; но не в том дело: занимай любопытных, пожалуй, хоть танцами, чтобы тебе не мешали на избранной дороге.

Одно остается непонятным, — продолжает г. Ар. Р., — при набожности своей, Суворов «давал полную волю ожесточению солдат, ничем не останавливая кровопролития».

По примеру «Архива», изданного г. Калачовым, «Временник» с 19 книжки решился прилагать «Указатели» статей, относящихся

к русской истории в старых журналах и вообще изданиях. Нельзя не одобрить такого полезного намерения. Вследствие его при 19 книжке приложен «Указатель статей по русской истории, географии, статистике, русскому праву и библиографии, помещенных в «Московском Вестнике» 1827—1830 года», составленный г. М. Полуденским. Конечно, можно было выбрать журнал более важный, нежели «Московский Вестник»; но, во всяком случае, труд г. Полуденского — труд очень полезный. Эти частные указатели, кроме прекрасного самостоятельного значения, важны и в том отношении, что приготавливают материалы для будущего полного указателя наших журналов, без которого все работы по части истории нашей литературы не столько будут приносить результатов, сколько доставлять утомительного труда исследователям.